

Театральный сезон уже начался, а все никак не утихнут страсти по Театру на Малой Бронной. Напомним, что мы предлагали всем желающим выступить по поводу конфликта в этом театре, в результате которого с поста главного режиссера ушел Сергей Женовач. Вслед за директором театра Александром Коганом, театральным обозревателем «ВМ» Ольгой Фукс, критиком Борисом Поюровским и актером Львом Дуровым поделиться своим мнением захотел актер Малой Бронной Александр Котов, у которого в очередной раз, что называется, наболело. Стоит заметить, что Александр Евгеньевич не является членом «группы Женовача», пришедшей в театр вместе с Сергеем Васильевичем и ушедшей за ним в никуда. Напротив, в Театре на Малой Бронной он проработал 27 лет, то есть принадлежит к числу «старожилов», якобы обделенных вниманием Женовача.

Приехал из Питера молодой режиссер Александр Исаков, который сейчас возглавляет Театр им. Комиссаржевской, — рассказывает Александр Котов. — Пьеса, которую он собирался ставить («Дура-

Только с Любимовым ему не удалось совладать — на Таганке Коган продержался где-то около полугода, а потом Любимов и Володя Высоцкий сказали ему, что, мол, если ты не уйдешь сам, мы сделаем так, что ты в этой системе вообще работать не будешь.

ки» Нила Саймона), предварительно не читалась труппе и соответственно не обсуждалась. А сразу был вывешен приказ о начале работы над ней и распределение ролей. На первой репетиции Исаков пьесу актерам прочитал. И попытался убедить нас, что она не такая наивная и простая, как кажется. Мне же показалось, что в ней и открывать нечего, что она неудачна и на комедию не тянет. Я хотел бы спросить у Саймона, зачем он вообще это написал. Царское время, украинское село. Вместо «Ночи перед Рождеством» Николая Васильевича, которая прошла только 12 раз, будет теперь в театре идти эта хреновень. Словом, я сказал режиссеру, что не могу иг-

На Малой Бронной репетируют «Дураков»

Актер Александр Котов убежден, что театр — не режимное предприятие

рять этот материал, и он меня понял. Мы расстались очень дружелюбно. Но в эту ситуацию директор Илья Аронович не вмешаться не мог. Словно он не понимает, что руководит театром, а не бензоколонкой, что театр живет совершенно по другим законам. И потому в который раз решил наказать меня выговором и какими-то копейками, потому что я нарушил «правила внутреннего трудового распорядка».

Словом, сейчас в театре спешно репетируют «Дураков» — символическое, кстати, название. Надо же забивать репертуар чем-то, пять спектаклей всего осталось! Сейчас открываются все театры, и что мы будем делать с нашим скромным багажом?

Когда журналисты писали о конфликте на Малой Бронной, они ограничили только историей с Женовачем, а ведь Коган уже 20 лет занимается тем, что выпихивает режиссеров, и это не сила, а слабость его как театрального директора. Ведь театр прежде всего связан с именем режиссера, который принес художественную идею. Без нее мы — толпа случайно собравшихся людей. Да, в этом здании работали и Михоэлс со своим ГОСЕТом, и Плучек с Театром сатиры, и Гончаров, но это славная история здания, а не Театра на Малой Бронной как единого коллектива со своей идеей, потому что каждый из этих режиссеров создавал свой театр. В свое время Коган выжил Хомского из ТЮЗа, не пустил к нам Гинкаса, «справился» с Эфросом и Дунаевым. Проработав у нас только

«У нас, артистов, душа измотана»

мом деле проработал при Когане тоже очень недолго — с 1978 по 1983 год, примерно такой же срок, что и Женовач. У Анатолия Васильевича это время совпало с определенным кризисом: выросли его актеры, он пробовал что-то менять, пригласил Петренко, Кореневу, Любшину, Дая, потом пытался работать только с молодыми, но затем в последней работе вернулся к Волкову, Грачеву, Бронево, что еще раз доказывает — режиссер может опираться на тех, кто ему близок по духу. В этом есть свои плюсы и минусы, но это режиссерская кухня, и никто не может влезать в нее.

А Илья Аронович моментально стал окучивать всех отошедших, пригрозил, стал раздавать звания, формируя вокруг себя оппозицию, оперся на партком, местком.

Я сейчас не буду говорить о том, что актеры обязаны режиссеру, с которым работали. Наверное, все друг другу обязаны. Но даже если ты расстался с человеком, с которым какое-то время тебе было хорошо, ты не должен предавать свое прошлое. Дунаев, в спектаклях которого было меньше искусства, чем у Эфроса, тем не менее делал для своих актеров все, но именно они пинками выгнали его. И тогда Эфрос понял, что работал с людьми, которые просто не знают этику человеческих отношений. Именно поэтому он ушел, а вовсе не потому, что, повинуясь каким-то цеховым интересам, вступился за Дунаева, как режиссер за режиссера.

Потом наступила пауза. Был приглашен Евгений Лазарев, чей опыт как режиссера оказался малоудачным, и Илья Аронович не составило никакого труда с ним справиться. Затем возникла фигура Гинкаса. Это было примерно

десять лет назад. Приглашенный Кама Минович пришел со своей художественной программой, со своими предложениями, чтобы фирмировать из этого пластилина свой театр. Но его испугались в первую очередь старики, именно те, у которых были звания, которых защищало собственное имя. Гинкаса долго муржили. Защищали его Антонина Дмитриева, Анна Каменкова, Анатолий Грачев, Всеволод Платов, а и кое-кто еще. Мы пытались связаться с Александром Николаевичем Яковлевым, но нас принял его референт и предложил компромисс: мол, Когана, мы уберем, а на главного режиссера нам предложили Владимира Портнова. Я пытался убедить коллег, что мы должны выступать не против Когана, а за Гинкаса, потому что у него есть художественная идея. И что, соглашаясь на Портнова, мы соглашаемся на вечное царствование Когана. Но...

Я как в воду глядел. К нам пришел Портнов, с которым мы, кстати, очень подружились. Потом он рассказал мне, что с первых же дней Илья Аронович пытался его «скорректировать», рекомендуя, с кем надо работать. Когда Володя отсмотрел репертуар, у него сложилось прямо

противоположное мнение. Два года он делал, что хотел, а потом с облегчением ушел из театра — слишком мучительны были постоянные объяснения с дирекцией. Не знаю, испытывает ли сейчас такое же облегчение Женовач, но то, что он ушел, это акт отчаяния. Я видел, каким измотанным и выжатым он приходил на репетиции, если им предшествовали беседы с директором. Амбиции чиновника не стоят слез художника!

На посиделках по случаю закрытия прошлого сезона первый тост был поднят за Илью Ароновича, избавившего театр от Женовача.

Кроме того, директор не имел права «накручивать» незанятую в спектаклях Женовача часть труппы. Да и как мог Женовач работать с актерами из директорского окружения, если те на него волком смотрели, а Коган их настроениями умело дирижировал? Многие из тех, кто промолчал в этом конфликте, сами не безгрешны. Снисходительность к ним Когана создавала вокруг него зону зависимости и лояльности. Властному человеку не нужны безгрешные. Удивил Лев Константино-

И з года в год мы сталкиваемся с пороками системы. Мы, артисты, ждем годами приглашений, и душа у нас достаточно измотана. Наша профессия приучает человека к зависимости. Наши силы уходят с ролями, в бесконечных ожиданиях, компромиссах. И тогда укола иглолки достаточно, чтобы власть в депрессию и выходить из нее месяцами. Актеры склонны часто персонифицировать виноватых в своей судьбе. Наверное, кто-то и в Серее видел такого виноватого. Многие поддаются искушению проникнуть в искусство не через парадный вход, а через задний, или, как говорил Аркадий Райкин, через заведующего складом. На посиделках по случаю закрытия прошлого сезона первый тост был поднят за Илью Ароновича, избавившего театр от Женовача. Но когда один наш актер, не обиженный ни званиями, ни ролями, кричал, что Женовач отнял у него шесть лет жизни, за время которых он, может быть, что-нибудь бы сыграл, я почувствовал, что это уже клиника. Идет конфликт между пониманием театра, связанного с именем режиссера и собравшихся вокруг него актеров, и театра, как коллектива, который скопился, собрался за несколько десятилетий. И в этой ситуации кто-то прозябает и ждет, пока рак на горе свистнет, а кто-то пускается во все тяжкие этих дразня и конфликтов.

Говорят, что уже якобы готово новое положение о театрах, согласно которому договоры с режиссером и директором будут заключаться раздельно. Но пока никаких реформ нет. Все начальники остались на прежних местах. Подписан указ о финансировании театра. И снова Коган будет направлять ручки в общем-то маленьких денег по собственному усмотрению по крайней мере еще два года.

Комитет по культуре Москвы
МОСКОВСКИЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ
ТЕАТР НА МАЛОЙ БРОННОЙ

ПРИКАЗ

№ 101

от 20 августа 1998 г.

Актер Котов А.Е., будучи назначен приказом по театру на роль в спектакле Нила Саймона «Дураки» и приступив к репетициям, затем отказался от роли по мотиву отрицательного отношения к пьесе и участию в постановке.

Своим отказом от роли Котов А.Е. грубо нарушил правила внутреннего трудового распорядка работников театра, которым прямо предусмотрено, что актер не имеет права отказываться от роли, и вынудил дирекцию театра в срочном порядке искать замену исполнителя в спектакле, для репетиций которого установлен ограниченный срок.

ПРИКАЗЫВАЮ:

- За нарушение правил внутреннего трудового распорядка, выразившееся в необоснованном отказе от роли, актеру Котову А.Е. объявить выговор и лишить его премиальной оплаты за период репетиционной работы над спектаклем (август-сентябрь 1998г.).
 - предупредить всех актеров, что за отказ от поручаемой им роли в спектаклях к ним будут применены строгие меры дисциплинарного и материального наказания и имеющиеся отказы будут учтены при последующих назначениях на роль.
- Основание: докладная записка инспектора сцены Петровой И.И. и заявление Котова А.Е.

Директор

И.А. Коган

Театр на Малой Бронной: служебное творчество